

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

О ДРЕВНЕЙШИХ ЗОЛОТЫХ МОНЕТАХ ГРУЗИИ

Богатейшее наследие, оставшееся нам от прошлого, поступает в наши хранилища так обильно, что за годы советской власти существующие фонды возросли во много раз. Понадобятся многие и многие томы для публикации этих культурных ценностей, нужны усилия специалистов разных отраслей, чтобы освоить весь этот огромный материал. Прошедший через мои руки нумизматический материал дал так много нового и неожиданного, что описать его целиком и подробно в одной работе технически невозможно. Поэтому пришлось расположить его в хронологическом порядке, систематизировать и подготовить к изданию ряд статей, из которых эта является одной из намечаемых к публикации.

Посвящена она большой серии античных золотых монет, давно уже известных науке под названием подражаний статерам Александра Македонского и Лисимаха и неоднократно привлекавших внимание специалистов. Но по существу вопрос об этих монетах до сих пор еще не был поставлен со всей ясностью, так как многие стороны вопроса пока еще оставались спорными. А. К. Марков, например, полагая, что они выбиты «индо-скифскими народами, которые в начале I I века до Р. Х. надвинулись из глубин Азии к берегам Оксуса»¹, повидимому, считал эти монеты закаспийскими. Е. Придик, ставя под сомнение их боспорское происхождение, допускал возможность продолжительности их чекана «до самого Рожд. Хр., а может быть еще позже»².

Буржуазные исследователи Запада Р. Форрер³ и Р. Паульсен⁴, игнорируя имевшуюся с самого начала тенденцию приурочить эти подражания к территории Кавказа (Прокеш-Остен и А. Бланше)⁵, были сторонниками их европейского происхождения.

Но все чаще и чаще поступающие новые сведения увеличили число сторонников кавказского происхождения этих монет, и сначала Е. А. Пахомов⁶, а вслед за ним и А. Н. Зограф⁷ стали именовать эти подражания «кавказскими типами» или «специфически кавказскими». О подражаниях лисимаховского типа Е. А. Пахомов выразился еще конкретнее, считая их «возникшими в Грузии». А. Н. Зограф датировал эти подражания I в. до н. э., а Е. А. Пахомов вообще воздержался от высказываний по этому поводу.

¹ А. К. Марков, Неизданные арсакидские монеты, ЗВОРАО, VI, стр. 40.

² Е. Придик, Новые кавказские клады, МАР, вып. 34, стр. 95, примеч. 1.

³ Р. Ф о р р е р, Die Keltische Numismatik der Rhein- und Donauländer, Strassb. 1908, стр. 189.

⁴ Р. Паульсен, Die Münzprägungen der Boier., Arch. Institut d. Deutschen Reiches, Römisch-German. Kommission, Lpz.—Wien, 1933.

⁵ «Revue Numism.», 1860, стр. 274; там же, 1893, стр. 137.

⁶ Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, Баку, 1926, стр. 16.

⁷ А. Н. Зограф, Античные зол. монеты Кавказа, ИГАИМК, вып. 110, стр. 181; он же, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, т. I (1945).

В еще неопубликованной работе Г. Ф. Гобеджишвили подражания статерам Александра датируются позднеэллинистическим периодом (середина II—I в. до н. э.) и уже прямо именуются «колхидскими золотыми монетами»¹. А в одной из работ под редакцией акад. С. Н. Джанашиа вариант интересующего нас подражания назван «колхским статером, подражанием статеру Лисимаха»².

Таким образом, теперь назрела необходимость обобщить опыт и наблюдения всех перечисленных исследователей; подкрепив эти обобщения поступившим в мое распоряжение новым материалом, я попытался подвести итог изучению данного вопроса. При этом выяснилась необходимость уточнить, а в некоторых случаях и заново изучить следующие вопросы: 1) сфера распространения этих подражаний, 2) время их возникновения, 3) причина и обстоятельства возникновения, 4) продолжительность обращения, 5) истинное происхождение этих монет, 6) содержание и смысл изображений на них и 7) качество металла, служившего материалом для их изготовления.

Восстановим в памяти внешний вид этих подражаний. Разнообразие имеющихся их вариантов велико, и так как по техническим соображениям описывать все эти варианты в журнальной статье невозможно, то я ограничусь описанием общей схемы их рисунка, подкрепленного табл. I и II с изображениями различных вариантов основных двух типов этих подражаний. В тексте дальнейшего изложения монеты эти будут для краткости называться подражаниями I и II типа (соответственно — подражания статерам Александра и Лисимаха).

Подражание I типа.

Лицевая сторона: грубое изображение человеческой головы.

Оборотная сторона: до неузнаваемости искаженное изображение Ники.

Подражание II типа.

Лицевая сторона: постепенно искажающаяся и превращающаяся в грубую схему голова Александра Македонского вправо, часто обрамленная фигурами птиц, реже зверей.

Оборотная сторона: также постепенно деградирующее и превращающееся в схему изображение Афины-Паллады, восседающей на троне; под изображением Афины — трезубец.

1. Сфера распространения древних монет обычно определяется частыми их находками в той или иной области, и надо полагать, что именно этим признаком и руководствовались Е. А. Пахомов и А. Н. Зограф, называя интересующие нас подражания «кавказскими». А. Н. Зограф совершенно основательно выражал сомнения в закаспийском или европейском их происхождении³, так как выяснилось, что на территории Средней Азии подобных монет не находили вовсе и их даже не имеется в собрании Гос. Музея Уз. ССР в Ташкенте⁴. С исчерпывающей очевидностью доказана недостоверность сведений об их находках и в Западной Европе⁵; поэтому, так как обе эти теории оказываются несостоятельными, остается

¹ Г. Ф. Гобеджишвили, Древнейшие грузинские бронзовые бляхи, Машинопись диссерт. работы (на груз. яз.), Тбилиси, 1942, стр. 191.

² «Опись грузинских музейных ценностей, вывезенных быв. меньшевистским правительством за границу в 1921 году и возвращенных из Парижа в Грузию в 1945 г., составленная приемочной комиссией СНК ГрузССР», изд. АН Груз. ССР под редакцией акад. С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1945, стр. 17.

³ А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа, ИГАИМК, вып. 110, стр. 180; он же, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I (1945), стр. 33.

⁴ Считаю непременной своей обязанностью выразить директору Музея истории АН Уз. ССР т. Ачильдеву и нумизматам того же музея благодарность за составление исчерпывающей справки (№ 122 от 25/VIII 1945 г.).

⁵ А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I (1945), стр. 33.

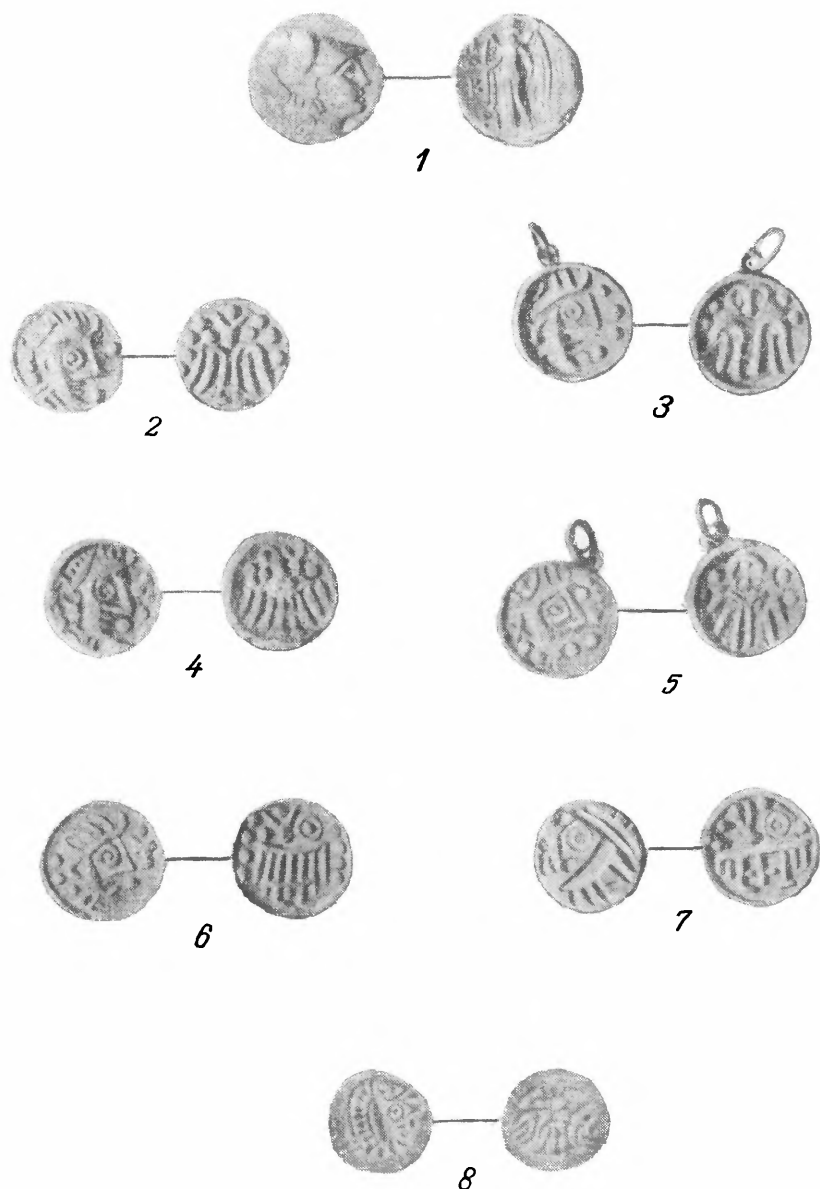

Таблица 1. Первая хронологическая группа

проверить обоснованность третьей. Это тем более необходимо, что указания Е. А. Пахомова и А. Н. Зографа требуют дополнений: к какому же из древнейших народов, и теперь населяющих Кавказ, приурочить монеты, вызвавшие эти разногласия?

Используя имеющиеся в литературе сведения о находках подражаний и дополнив их поступившими за последнее время новыми аналогичными данными, я составил географическую карту распространения монет, на основании которой имеется возможность значительно увереннее судить об ареале их распространения (стр. 161).

А. Н. Зограф отметил крайне любопытную особенность распространения типов: «Повидимому, по Риону и дальше к востоку,— говорит он,— лежит область распро-

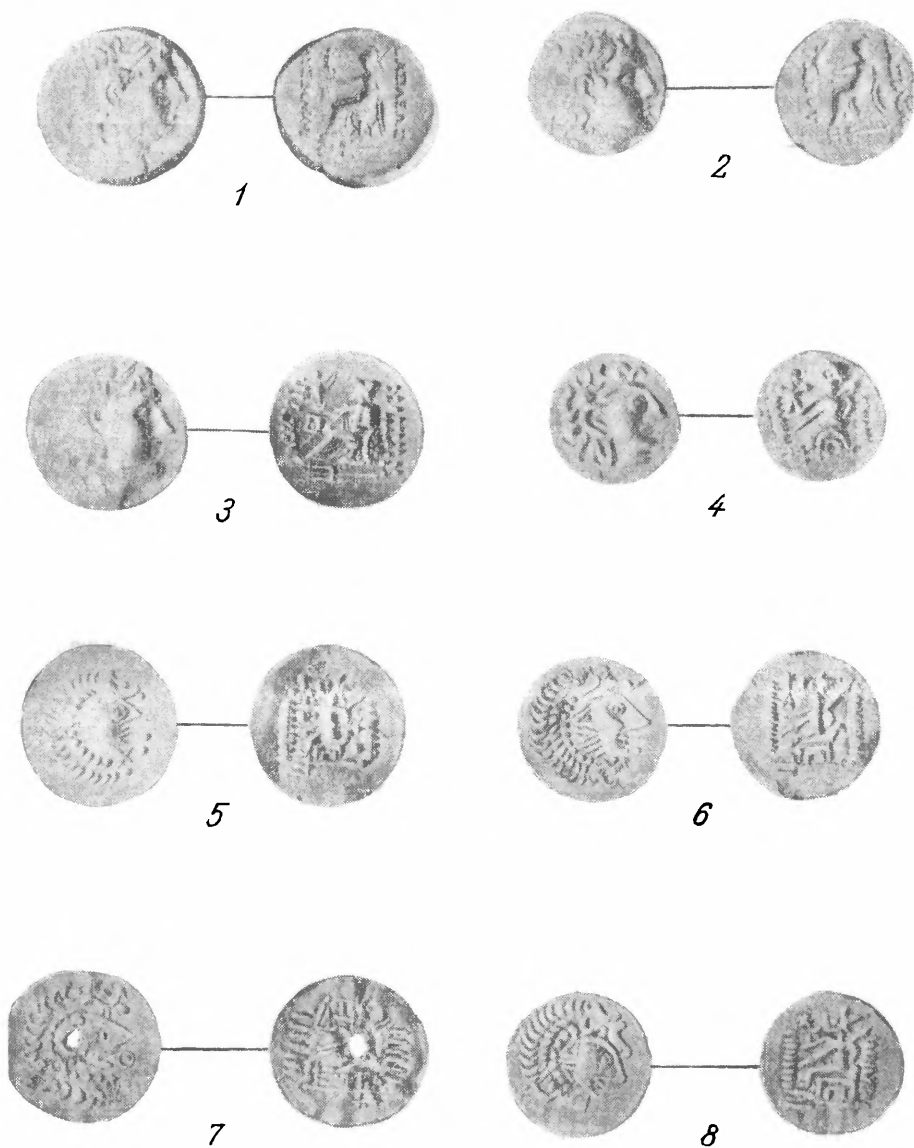

Таблица II. Вторая хронологическая группа

странения подражаний статам Александра... С другой стороны в Абхазии и к югу, на побережье, вплоть до Батуми, зарегистрированы находки подражаний статам Лисимаха¹. Обоснованность этого ценного наблюдения подтверждается расположением монетных находок на карте, но я дополнил бы его еще некоторыми сопоставлениями:

1. Подобно серебряным колхидкам, эти подражания в сопредельные области (Иверию и Северный Кавказ) проникают крайне редко, и 2) в это же время в Восточной Грузии, т. е. древней Иверии, значительно более широкое распространение получают синхронные подражаниям римские ауреусы.

¹ А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГО, I (1945), стр. 34.

Сопоставляя все это с имеющимися в «Картлис Цховреба» указаниями о существовании на территории, соответствующей нынешней Западной Грузии, двух областей — Эгриси и Маргниси¹, я придаю большее значение этому явлению и, особо его подчеркивая, хочу заострить на нем внимание специалистов.

2. Времени возникновения подражаний установлено на основании специальных исследований Ньюэля, ссылаясь на которые, А. Н. Зограф утверждает, что так наз. подлинные статеры Александра и Лисимаха чеканились не только при жизни этих монархов. Выясняется, что посмертные статеры с этими именами выпускались по всему пространству эллинистического мира свыше двух столетий². Таким образом, эти посмертные статеры, фактически уже являющиеся подражаниями, по самым несложным расчетам чеканились в III и II вв. до н. э.

Не должно вызывать сомнений, что те грубые подражания, о которых мы имеем суждение, не могли обращаться совместно с прототипами, с которых они копировались. Будучи более легковесными, низкопробными и хуже выполненными в художественном отношении, они просто не выдержали бы конкуренции так называемых оригинальных статеров. Поэтому они могли возникнуть лишь после того, как исчезли из обращения их прототипы, а это по вышеупомянутым причинам могло случиться лишь в I в. до н. э. Время возникновения этих подражаний, таким образом, совпадает со временем отмирания серебряных колхидок, как известно, датируемых IV—II вв. до н. э.

3. Причины и обстоятельства возникновения подражаний ставятся в тесную и непосредственную связь с переворотом, происшедшим в результате походов Александра Македонского. Выпущенные к обращению, его статеры получили во временно-объединенной, но недолго просуществовавшей обширнейшей греко-азиатской монархии такое широкое распространение, что даже после ее разрушения они продолжали выполнять роль и функции международной монеты. Такую же добрую репутацию заслужили и статеры Лисимаха.

Привычка потребителя к излюбленному монетному типу оказалась настолько сильной и постоянной, что вызвала необходимость выпуска на протяжении двух столетий монет с именами лиц, давно уже переставших участвовать в политической и экономической жизни. Изображения и надписи на монетах превратились в простую эмблему, и даже в тех странах, где монеты чеканились без упоминания этих имен, первоначальные монетные выпуски полностью занимают основной тип и рисунок так хорошо себя зарекомендовавших монет: статеры Селевка Никатора (306—281 гг.), Алтпоха Сотера (281—261 гг.), Дмитрия Полиоркета, боспорских Перисадов (III в. до н. э.) и др.

Поэтому ждать от подражаний шаблона, конечно, не приходится: выпускаемые тут или там, они должны были отличаться друг от друга либо качеством исполнения изображений и техникой чекана, либо пробой или весом металла, либо же, наконец, именем базилевса или правителя. В соответствии с этим, обсуждая вопросы о подражаниях, я буду иметь в виду те из них, типы которых являются обычными для находок на Кавказе, и, например, № 8 табл. I пока воздержусь включать в число грузинских подражаний, так как достоверный случай находки этой монеты был зафиксирован тут всего лишь один раз.

Все имеющиеся налицо признаки свидетельствуют о том, что аналогичный выпуск подражаний производился и в древней Колхиде. Несколько раньше я имел уже случай высказаться по этому поводу и, публикуя статер, помеченный именем Аки (см. № 2 табл. II), признал это имя принадлежащим базилевсу Колхиды³. Считая

¹ «Картлис Цховреба» (на груз. яз.), изд. М. Броссе, 1849, стр. 31.

² А. Н. Зограф, Статеры Александра Македонского, ТОАГЭ, I (1945), стр. 86.

³ Д. Г. Капанадзе, Новые материалы к изучению статеров царя Аки, ВДИ, 1948, № 1, стр. 150—155.

этот классический статер самой ранней ступенью грузинских подражаний лисимаховской категории, я даже не исключаю возможности, что по времени выпуска он может оказаться более ранним.

Датировка этого статера в пределах III—II вв. до н. э. является общепринятой¹ и оправдывает таким образом все положение. С этих первоначальных копий стали изготавливаться уже новые партии подражаний, которым в свое время тоже настал черед служить моделью для дальнейших выпусков, и, таким образом, постепенно деградируя и грубая, дальнейшие ступени все больше и больше отдаляются от первоначального образца. Ухудшающееся художественно-техническое исполнение этих монет, уменьшающийся их вес и снежающаяся проба металла в конце концов превращают подражания в какие-то подобие статера. Эта постепенная деградация монеты, конечно, происходила на протяжении многих и многих десятилетий.

Наглядную картину постепенной деградации подражаний дают изображения, помещенные на табл. II, где первым номером все же помещен посмертный статер лисимаховского типа византийской чеканки, вторым — статер с именем Аки, третьим — подражание, найденное в сел. Реке и признанное А. Н. Зографом «самым ранним образцом»², а остальные — все больше и больше деградирующие экземпляры (последний, № 8, чеканен уже из серебра).

В противоположность подражаниям II типа подражания I типа пока не дают такой же ясной картины постепенной деградации: тут отсутствуют начальные, наиболее ранние ступени (см. табл. I). Это дало повод А. Н. Зографу (там же) полагать, что они возникли позже, чем их лисимаховские аналоги.

В связи с этим, должно быть, придется заново и более тщательно пересмотреть так называемые оригинальные статеры Александра с целью локализовать продукцию монетных дворов Черноморья, еще не нашедшую своего настоящего места. Интересно, например, что группа подобных статеров, объединенных буквами ΣI, признана чеканкой Синопы³.

4. Продолжительность обращения грубых подражаний прослеживается пока в пределах примерно 3 столетий. Это установлено на основании состава отдельных монетных находок и, особенно, анализа монетных комплексов, обнаруженных Кидеетской археологической экспедицией. Зафиксированные случаи совместного захоронения интересующих нас подражаний с римскими монетами второй половины II в. н. э., конечно, свидетельствуют о том, что обращающиеся с более поздними монетами наши подражания были в это время живой и имеющей хождение монетой.

Труднее ответить на вопросы: чеканились ли они так же долго, как и обращались? Можно ли допустить, что, выпущенные в каком-то более или менее отдаленном прошлом, они продолжали функционировать, не пополняясь новыми запасами? Полагаю, что нет, так как мысль, что в свое время их было выпущено так много и с таким разнообразием вариантов, была бы слишком маловероятной. Сравнительно частые их находки совместно с более поздними монетами и относительное их изобилие в монетных комплексах II века н. э. явно противоречат подобному предположению.

Таким образом, черты, сближающие наши подражания с серебряными колхидками, мы видим и тут; подобно последним, они обращались и, повидимому, выпускались продолжительное время, измеряемое столетиями.

5. Происхождение подражаний непосредственно по самим же монетам установить трудно, так как почти все они принадлежат к категории так на-

¹ Акад. С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 66.

² А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I (1945), стр. 34.

³ А. Н. Зограф, Статеры Александра Македонского, ТОАГЭ, I (1945), стр. 97.

зываемых «немых». Имеющееся пока лишь в единственном случае упоминание имени Аки само по себе являлось не вполне достаточным, так как, будучи неизвестным науке, признавалось или «загадочным»¹ или же, согласно намечающимся в последнее время тенденциям, вовсе недостоверным². Не располагая указаниями о происхождении этих подражаний, исследователи даже не имели достаточных сведений о количестве, а тем более — обстоятельствах и составе монетных находок.

Все это, конечно, вело к тому, что возникали различные, подчас совершенно несостоятельные, теории. Предполагаемое закаспийское или европейское происхождение этих подражаний окончательно теряет под собой почву, если мы сопоставим данные, на которые опирались сторонники этих теорий, с теми фактами, которыми владеем мы. В то время как в Закаспии находок подражаний не фиксировалось вовсе, а единственный случай «находки» подобной монеты в Вюртемберге оказывается абсолютно ненадежным³, изобилие их в Западной Грузии, отличающееся полной достоверностью, придает теории кавказского происхождения монет неоспоримую силу убедительности.

Из зарегистрированных на Кавказе 25 случаев находок подражаний I типа и 16 подражаний II типа соответственно приходится: на Западную Грузию 20 и 13 = 33 случая; на Восточную Грузию 2 и 2 = 4 случая и Северный Кавказ 3 и 1 = 4 случая.

Отрицать теперь, что родиной этих монет является Кавказ, было бы явно ошибочно, так же как совершенно очевидно, что основная масса находок падает на территорию, соответствующую древней Колхиде. Проникающие в сопредельные области отдельные их экземпляры следовало бы считать «завезенными купцами, но не торговлей» (З о г р а ф, стр. 50), а находки этих монет на Северном Кавказе, собственно говоря, отлично увязываются с уже окончательно установившимся положением, что «западная культурная область включала в себя Западную Грузию, нагорную часть Северного Кавказа западнее р. Терека, бассейн р. Чорохи»⁴ и т. д. Имеющееся же в зарубежных собраниях, повидимому, незначительное количество этих монет можно считать результатом широкой и систематической торговли древностями и тех передвижений, которым в новое время особенно часто подвергалась старинная монета.

Серебряные колхидки, как известно, оправдали установившееся за ними название присутствием аналогичных признаков:

а) так же, как и колхидки, наши подражания очень распространены на территории древней Колхиды; б) подражания, как мы в этом убедились, непосредственно следуют за колхидками; в) имеют столь же длительный период обращения и, наконец, г) испытывают тот же процесс деградации.

Значительная часть подражаний I типа обнаруживает близость к серебряным колхидкам головой Ники, превращенной в рогатую. Этот же знак рогатой головы, часто появляющийся и на лицевой стороне, по справедливому указанию Н. В. Хоштария, почти в точности повторяет форму глиняных фигурок — «рожек». Последние же, являющиеся схематическим изображением быка, связаны с культом, прослеживающимся на археологическом материале с древнейших времен и пережиточно сохранившимся почти до наших дней по всей Западной Грузии. Все это дает повод

¹ Акад. С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, 3 (4), стр. 66—67, прим.

² Л. П. Харко, Существовал ли царь АХНС?, ВДИ, 1948, № 2, стр. 135—141.

³ А. Н. Зограф, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I (1945), стр. 33.

⁴ «История Грузии», под редакцией акад. С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1946, стр. 24, а также А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947 (см. карту после стр. 31).

видеть здесь влияние местных культов, отчетливо отразившихся на серебряных колхидках; по всем признакам эти изображения затем перешли в виде схемы и на подражания.

Таким образом, признаки, роднящие обе эти группы монет, совершенно идентичны, а потому соответствующее название для наших подражаний напрашивалось

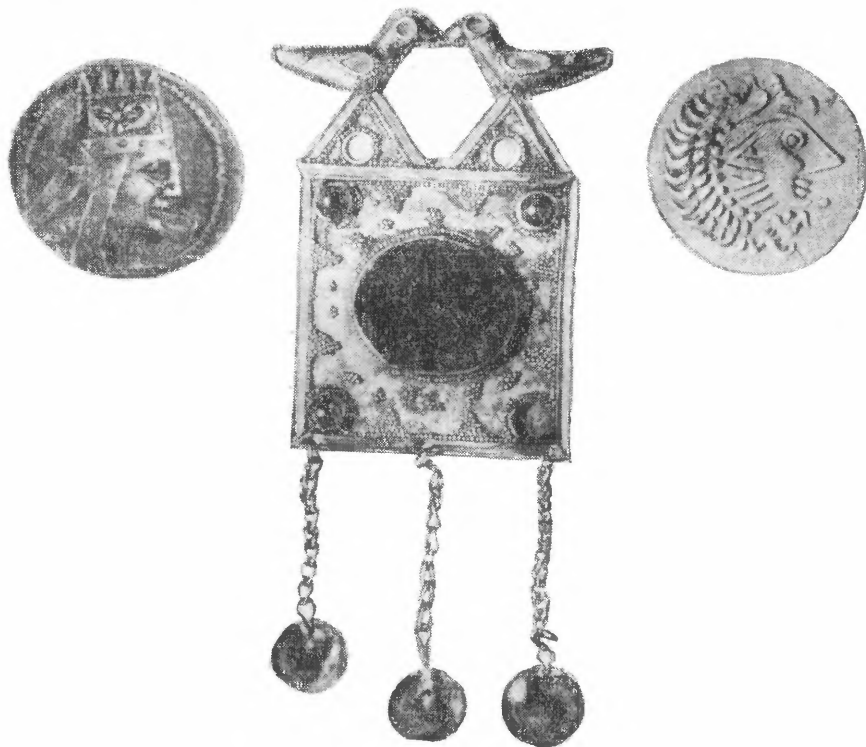

Таблица III. Третья хронологическая группа

само собой. Руководствуясь этими соображениями, я охотно и с готовностью при-
мыкаю к мнению акад. С. Н. Джанашиа, который считал их «колхскими статерами»¹.
Это название тем более правильно, что наряду с остальным дает и типологическое
представление о монете. Имея два типа подражаний — статерам Александра и Ли-
симаха и уговорившись называть их сокращенно I и II типом, то же сокращение я
применю и тут, назвав их колхскими статерами I и II типа,

6. Содержание и смысл изображений на этих подражаниях
вплоть до последнего времени разногласий и сомнений не вызывали: прототипами их
единодушно признавались статеры Александра и Лисимаха. Но в последнее время
наметились тенденции, хотя и не отрицающие подражательной природы этих монет,
но все же нарушающие существующие установки. Г. Ф. Гобеджшвили, например,
считает колхские статеры I типа продуктом двойного заимствования и, соглашаясь,

¹ «Опись грузинских музейных ценностей, вывезенных бывшим меньшеви-
стским правительством за границу в 1921 г. и возвращенных из Парижа в Грузию
в 1945 г.», составленная Приемочной Комиссией СНК ГССР, изд. АН ГССР под ред.
акад. С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1945, стр. 17.

что моделью их лицевой стороны действительно служил статер Александра, прототипом оборотной стороны считает афинскую тетрадрахму¹.

Как известно, для изготовления подражаний обычно выбирают тип наиболее ходкой и излюбленной монеты, каковой считать афинскую у нас пока оснований не имеется; в Грузии они мало распространены: тут зафиксирован всего лишь один случай находки афинской монеты, в местных собраниях число их весьма незначительно. Сомнения в их широком распространении в Грузии выражал и А. Н. Зограф². Но будь даже это не так, то, несомненно, вышедшие из употребления к моменту возникновения подражаний афинские монеты V—IV вв. уже не могли служить им прототипами. Наконец, вряд ли для золотой или даже, допустим, электровой монеты моделью могла быть выбрана монета серебряная.

Предположение же А. М. Апакидзе, допускающего наличие на одном из грубых вариантов колхского статера I типа надписи³, переданной армазскими знаками⁴, оказывается совершенно несостоятельным. Это становится очевидным при самом беглом сличении изображений, расположенных на табл. I в порядке их постепенного отдаления от прототипа. Более всех остальных потерявший сходство с оригиналом № 7, на котором предполагалась надпись, оказывается просто дальнейшим и наиболее извращенным экземпляром, имеющим несомненное сходство с соседним № 6. Последний, в свою очередь, связан с предыдущими, но, не случись его под рукой, говорить о сходстве № 7 со всеми остальными, а об изображениях на нем — как о человеческой голове и Nike, действительно, было бы трудно.

Поэтому искать для наших подражаний каких-либо новых прототипов, кроме уже давно установленных, или же допускать наличие на них чуждых для моделей надписей я отказываюсь и истинными прототипами колхских статеров продолжаю считать подлинные статеры Александра Македонского и Лисимаха.

7. Вопрос о качестве металла, служащего материалом для изготовления подражаний, в специальной литературе обсуждался и раньше, но мнения и тут оказались разноречивыми. Е. А. Пахомов, например, утверждал, что они «чеканены из плохого золота» или «золота, но худшей пробы»⁵. Но А. Н. Зограф, совершенно основательно отметил, что состав их металла «варьирует от чистого золота до бледного, низкопробного электра»⁶. Вплоть до последнего времени упоминаний об экземплярах, битых из серебра, не было вовсе, и даже в последней работе А. Н. Зографа они поставлены под сомнение и отнесены к категории современных литых подделок⁷. Но я располагаю экземпляром, несомненно чеканенным из серебра в древности же, подлинность которого засвидетельствована и Е. А. Пахомовым (№ 8 табл. II).

Причины, влиявшие на состав металла, из которого изготовлялись подражания, А. Н. Зограф сначала объяснял недостаточным умением местных кавказских пле-

¹ Г. Ф. Г о б е д ж и ш в и л и, Древнейшие грузинские бронзовые бляхи, ч. 1, машинопись диссерт. работы (на груз. яз.), Тбилиси, 1942, стр. 196.

² А. Н. З о г р а ф, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, 1 (1945), стр. 39.

³ А. М. А п а к и д з е, Новый археологический материал из сел. Бори (на груз. яз.), ВМГ, XII-B (1944), стр. 441—446.

⁴ Самостоятельная ветвь семитического письма, названная так по месту находки в Армази (Мцхет, р-н СССР) двух стел. Об этом подробно Г. В. Ц е р е т е л и, Армазская билингва, Тбилиси, Инст. истории АН СССР, 1941.

⁵ Е. А. П а х о м о в, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, Баку, 1926, стр. 16.

⁶ А. Н. З о г р а ф, Античные золотые монеты Кавказа, ИГАИМК, вып. 110, стр. 180.

⁷ А. Н. З о г р а ф, Находки античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I (1945), стр. 32, 33, 41.

мен очищать металлы¹. Но в другой, уже более поздней работе он дает иное объяснение: к наиболее ранним выпускам отнесены экземпляры, битые из хорошего чистого золота, а к последним ступеням — те, которые сменили золото на очень бледный электр². Таким образом, причину этих колебаний следовало бы объяснить продолжительностью времени чекана.

Второе объяснение, конечно, более правдоподобно, так как, зная, что эти монеты чеканились в Колхиде, и располагая свидетельствами древних греческих и византийских источников, сообщающих о том, что грузинские племена считались во всем древнем культурном мире лучшими металлургами, а производимые ими металлические изделия отличались особенно высоким качеством³, следует считать первоначальное мнение А. Н. Зографа необоснованным. И, действительно, добытые в результате археологических раскопок многочисленные шедевры золоточеканного искусства, синхронные, а во многих случаях и более древние, чем колхские статеры, отличаются высоким внешним качеством и изготовлены из однородного золота. А это является лишним доказательством того, что уже в те отдаленные времена металлургия драгоценных металлов стояла у колхов и их соседей иберов так же высоко, как и художественно-техническая их обработка.

Но наблюдаемое колебание пробы металла, равно как и художественно-техническое ухудшение изготовления монет можно было бы объяснить и иными причинами: «К концу II в. до н. э. Колхидское царство начинает клониться к упадку. К этому времени оно было разделено на ряд «скептухий», более мелких владений, находившихся, повидимому, в слабой зависимости от колхидского царя»⁴. Возможно, что эти мелкие владения, прибегая к выпуску собственных монет и соответственно применяясь к имеющимся экономическим и прочим возможностям, придавали им разнообразный вид.

Нумизматические памятники той отдаленной эпохи вообще не приведены в окончательную ясность, а еще менее изучены монеты, которые возбуждают сомнения не столько в их древности, сколько в принадлежности к легальному чекану. В отличие от легальной порчи монеты во все времена и среди многих народов существовала и частная, нелегальная ее фальсификация. Еще задолго до колхских статеров среди мелких серебряных колхидок попадаются экземпляры, очень похожие на фальшивые, — медные их ядро обтянуто тонкой серебряной пленкой. Эти так называемые *mithi subaerati* часто встречаются и среди синхронных колхским статерам дециариев Августа. Поэтому не исключена возможность принадлежности некоторых вариантов интересующих нас подражаний к категории фальшивых, но изготовленных в древности.

Заканчивая эту статью напоминанием пожелания А. Н. Зографа о необходимости еще более тщательной регистрации монетных находок и надежды, что совместными усилиями будет дана исчерпывающая и обоснованная картина денежного обращения на Кавказе в античную эпоху⁵, и рассчитываю, что собранный и изложенный в этой работе материал о монетах, привлечших к себе столь заслуженный интерес, окажется достаточным для того, чтобы включить их, наконец, в число монет Грузии.

¹ А. Н. Зограф, *Античные золотые монеты Кавказа*, ИГАИМК, вып. 110, стр. 180.

² А. Н. Зограф, *Находки античных монет на Кавказе*, ТОНГЭ, I (1945), стр. 32, 33.

³ «Краткий очерк истории грузинской науки за 25 лет», под ред. акад. Г. С. Ахвледиани, Тбилиси, 1925, стр. 25.

⁴ «История Грузии с древнейших времен до начала XIX в.» под ред. акад. С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1946, стр. 62.

⁵ А. Н. Зограф, *Находки античных монет на Кавказе*, ТОНГЭ, I (1945), стр. 50.

Список находок подражаний на Кавказе

I. Подражания статерам Александра Македонского

1. Около 1860 г. в Эрзеруме было куплено 2 подражания, по сведениям продавца, происходившие из «Колхиды» (А. Н. Зограф, Античн. золотые монеты Кавказа, стр. 190, № 45).

2. В 1880-х гг. в коллекцию К. И. Ольшевского поступило 3 подражания, переданные в 1891 г. Эрмитажу. По мнению Е. А. Пахомова, они происходят «вероятно, из могильников Северо-Осетинской АССР» (Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа, Баку, 1940, стр. 10, № 665).

3. В 1900-х гг. Эрмитажу подарено 1 подражание, происходящее с «доисторического кладбища» сел. Камунта Северо-Осетинской АССР (А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа, стр. 190, № 40).

4. В 1902 г. во время постройки керосинопровода близ Мцхета (тот же район Груз. ССР) были найдены 1 подражание и 1 ауреус Августа, неизвестно куда поступившие (Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, Баку, 1926, стр. 38, № 16).

5. В 1902 г. в сел. Бори (Орджоникидз. р-н Груз. ССР) во время работ в винограднике найдены предметы древности и монеты: 2 подражания (диам.—17—18 мм, вес — 3,54 и 3,71 г), драхма Ольвии, 5 парфянских драхм Фраата IV и Готарза, 12 денариев Августа и денарии Калигулы, Траяна, Фаустины и Юлии Домны (Е. Придик, МАР, вып. 34, стр. 95, прим. 1).

6. Приблизительно в то же время там же было найдено еще несколько предметов и монет, частично оставшихся в семье находчика. Впоследствии Гос. музеем Грузии было приобретено несколько мелких предметов и монеты: 1 подражание необычного типа (№ 7 табл. I; диам.— 17 мм, вес — 2,58 г), 1 серебряная колхидка, 2 драхмы Готарза и 2 кесарийских триобола Адриана (инв. № 4874—79 фонда «Клады» кабинета нумизматики Гос. музея Грузии).

7. В 1917 г. в сел. Вачеви (Чиатур. р-н Груз. ССР) были найдены предметы древности и монеты, разшедшиеся по рукам. Одно подражание (№ 3 табл. I; диам.— 17—18 мм, вес — 3,82 г), оставшееся от этой находки, впоследствии приобретено Гос. музеем Грузии (инв. № 4873 фонда «Клады» кабинета нумизматики Гос. музея Грузии).

8. В 1934 г. я приобрел от тбилисского золотых дел мастера 1 подражание (близок по типу с указанным в № 6, диам.— 17—18 мм, вес — 3,03 г, № 6 табл. I), которое было им куплено у «нмеретина, нашедшего монету лет 10 тому назад у себя в селе».

9. В 1942 г. Гос. музеем Грузии приобретено 1 подражание (диам.— 17—18 мм, вес — 3,57 г), найденное, по словам продавца, в 1924 г. где-то в Лечхуми (Западная Грузия), (инв. № 4807 фонда «Клады» кабинета нумизматики Гос. музея Грузии).

10. В 1928 г. где-то в Абхазии было найдено 1 подражание (диам. 13 мм, вес — 4,15 г) (А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа, стр. 190, № 42).

11. В 1930 г. в сел. Геби (Онский р-н Груз. ССР) на территории некрополя, раскопанного впоследствии, было найдено 1 подражание и подарено художнику Т. Абакелия (сообщение Г. Ф. Гобеджешвили).

12. В 1942 г. Гос. музеем Грузии приобретено 1 подражание (диам. — 17 мм, вес — 3,26 г), найденное, по словам продавца, в сел. Обча (Маяковский р-н Груз. ССР), в 1930 или 1931 г. (инв. № 4806 фонда «Клады» Гос. музея Грузии).

13. В 1937—1938 гг. в сел. Кумбулта (Дигория — Северо-Осетинская АССР) при раскопках могильника «Верхняя Рутха» было найдено 2 подражания: одно — из золота и обычного для Кавказа типа (вес — 4,69 г), а другое — электровое и иного типа (вес — 0,675 г) (Е. И. Крупинов, ВДИ, 1939, № 1).

14. В 1939 или 1940 г. на территории шешетского некрополя близ сел. Геби (Онский р-н Груз. ССР) было найдено 1 подражание, показанное Г. Ф. Гобеджишвили, справкой которого и пользуюсь.

15. В 1939—1940 гг. при раскопках шешетского и брильского некрополей близ сел. Геби (Онский р-н Груз. ССР) было найдено 7 подражаний (диам.— 16—17 мм, вес — 3,58; 3,42; 3,25; 2,43; 2,17; 1,89 и 1,73 г), поступивших в Гос. музей Грузии.

16. В 1941 г. в сел. Клдеети (Зестафонский р-н Груз. ССР) случайно было обнаружено погребение с ценным инвентарем, препарированное Д. В. Ломадзе. В Гос. музей Грузии доставлен ценный инвентарь и монеты: 6 подражаний, 10 денариев Августа, 6 драхм Готарза и кесарийская дидрахма Антонина Пия.

17. Продолженные в начале 1942 г. на том же месте археологические раскопки обнаружили античный некрополь. Был добыт и доставлен в Гос. Музей Грузии ценный инвентарь и монеты: 7 подражаний, 3 денария Августа, 5 драхм Готарза и по две кесарийские дидрахмы Нервы и Траяна. Метрологические данные этих 7 и предыдущих 6 монет: диам.— 16—18 мм, вес 3,65; 3,61; 3,57; 3,55; 3,48; 3,47; 3,45; 3,37; 3,33; 3,32; 3,20; 3,08 и 2,79 г.

18. В 1938 г. Гос. музеем Грузии приобретено 1 подражание (диам.— 17 мм, вес — 1,80 г, с припаянным ушком; № 5 табл. I) и драхма Готарза, найденные в сел. Илеми Зестафонского р-на Груз. ССР (инв. № 2227 фонда «Клады» Гос. музея Грузии).

19. В Кутаисском музее хранятся 2 подражания со справкой, что они найдены в сел. Свири Зестафонского р-на Груз. ССР.

20. В Цагерском музее хранятся 2 подражания со справкой, что они найдены в Лечхуми, т. е. Цагерском р-не Груз. ССР.

21. В 1936 г. я приобрел от антикара 1 подражание (диам.—15—16 мм, вес — 4,28 г, № 2 табл. I), снабженное справкой, что оно найдено где-то в Лечхуми.

22. В 1943 или 1944 г. в Вани (тот же р-н Груз. ССР) ливнями были смыты с горы предметы древности, собранные местными жителями. Д. В. Ломадзе видел у одного жителя 2 подражания: одно золотое, а другое «почти серебряное» (сообщение Д. В. Ломадзе).

23. В 1946 г. в Вани (тот же р-н) было случайно найдено 1 подражание необычного типа для Грузии (диам.—14—15 мм, вес — 5,6 г., № 8 табл. I), приобретенное Гос. музеем Грузии (инв. № 5088 фонда «Клады» Гос. музея Грузии).

24. В 1947 г. в сел. Чиора (Онский р-н Груз. ССР) было найдено 1 подражание и доставлено местному учителю, высланному Гос. музею Грузии карандашный оттиск с соответствующим сообщением.

25. В 1947 г. в сел. Меджврисхеви (Горийский р-н Груз. ССР) было случайно обнаружено погребение с инвентарем и монетами. В Музей гор. Гори пока поступило 1 подражание (сообщение С. И. Макалатия).

II. Подражания статерам Лисимаха

26. Около 1865 г. в окрестностях Трапезунда (Турция) был найден статер лисимаховского типа, но с именем базилевса Аки, поступивший в парижский Cabinet des Medailles (Акад. С. А. Жебелев, ВДИ, 1938, № 3, стр. 66 и 67, прим.):

27. Купленные в 1870-х гг. Прокопеш-Остеном 2 подражания Е. А. Пахомов считал найденными «где-нибудь в Аджарской АССР» (Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и других республ., Баку, 1940, стр. 10, № 666).

28. В 1900-х гг. близ Батуми было найдено не менее 2 подражаний, на которых, по описанию Е. А. Пахомова «на лиц. стороне волосы головы превращены в ряд бегущих один за другим, преувеличенно вытянутых зверьков...» (Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана... , Баку, 1926, стр. 38, № 20).

29. В 1900-х гг. близ Гори было найдено 1 подражание, подобное предыду-

щему, «но здесь волосы превращены в трех птиц» (Е. А. Пахомов, там же, стр. 39, № 21).

30. В 1920 г. в сел. Реке (Зугдидский р-н Груз. ССР) случайно было обнаружено погребение с богатым инвентарем и монетами, расхищенными находчиками. В Гос. музей Грузии доставлены статер Александра Македонского и «первая ступень варваризации» статера Лисимаха (диам.—21—22 мм, вес — 7,78 г, № 3 табл. II, инв. № 3066—3067 фонда «Клады» Гос. музея Грузии).

31. В 1920-х гг. где-то в Абхазии было найдено 1 подражание, оттиск которого без сообщения других подробностей был препровожден М. М. Иващенко А. Н. Зографу (А. Н. Зограф, Античные золотые монеты Кавказа, стр. 191, № 48).

32. У тбилисского коллекционера А. В. Кусидкова хранилось 1 подражание, купленное им в 1920-х гг. от жителя гор. Махарадзе (Груз. ССР).

33. В 1923 г. в сел. Кинчха (Цулукидзеvский р-н Груз. ССР) при прополке кукурузного поля найден статер лисимаховского типа с именем базилевса Аки (диам.—17—18 мм, вес — 8,45 г, № 2 таб. II), приобретенный впоследствии Гос. музеем Грузии (инв. № 4872 фонда «Клады» Гос. музея Грузии).

34. В 1926 г. в сел. Герзеули (Очамчирский р-н Груз. ССР) был найден клад монет I—II вв. Кесарии Каппадокийской, содержащий в себе и 1 обломок подражания (М. М. Иващенко, ИГАИМК, VII, вып. 10 (1931)).

35. В 1935 г. в Хета (Хобский р-н Груз. ССР) при обработке земли было найдено 1 подражание, доставленное в Гос. музей Грузии для определения (вес — 4,68 г.) и возвращенное находчику.

36. В 1936 г. в сел. Пацхесеули (Чохатаурский р-н Груз. ССР) при обработке земли было найдено 1 подражание (диам.—21—22 мм, вес — 5,16 г), приобретенное Гос. музеем Грузии (инв. № 1680 фонда «Клады» Гос. музея Грузии).

37. В 1936 г. близ с. Сакобнано (Ахметский р-н Груз. ССР) в случайно обнаруженном погребении оказался и 1 подражание (диам.—18 мм, вес — 3,80 г), изготовленное из серебра. Инвентарь и монета переданы музею гор. Телави (С. И. Макалатия, ВМГ, XI-B, 1941).

38. В 1936 г. в станции Даховская близ Майкопа (Краснодарский край) во время раскопок Б. Лунина было найдено 2 подражания (оба с припаянными ушками, диам.—19 мм, вес — 5,81 и 5,67 г) (Б. Лунин, ВДИ, 1940, № 3—4).

39. В 1944 г. Гос. музей Грузии приобрел от зубного техника С. А. Чичинадзе 1 подражание (диам.—18—19 мм, вес — 6,92 г, № 4 табл. II) (инв. № 1578 Гос. музея Грузии).

40. В 1944 г. близ Мулахи (Земо-Сванетский р-н Груз. ССР) при промывке золота было найдено 1 очень грубое подражание (диам.—21—22 мм, вес — 2,0 г, № 7 табл. II), пробитое в середине, и один мелкий обломок такой же монеты. Находка доставлена Гос. музею Грузии (инв. № 4871 фонда «Клады» Гос. музея Грузии).

41. В 1947 г. Сухумским музеем приобретено 1 подражание (диам.—18—19 мм, вес — 5,5 г), найденное близ Цебельды Гульрипшского р-на лет 35 назад (сообщение Л. Н. Соловьева).

Д. Г. Капанадзе